

Философия как рационально-теоретический тип мировоззрения.

Если не знаешь пути, выбери цель.
(восточная мудрость)

1. Рационально-теоретическая философия.

Первая и вторая теоремы, доказанные К. Геделем (1931 г.) о неполноте формальной математики, позволяют с некоторыми допущениями распространить их на любое высказывание, поскольку и то и другое относятся к одному типу, что вытекает из теоремы К. Геделя (1930 г.) о полноте предикатов исчисления (Л. 1, стр.141). Программа Гильберта о формализации математики в финитных терминах (1899 г.) оказалась невыполнимой, но следствием ее основных положений является возможность разработки логического пространства, в котором пребывает рационально-теоретическая философия. Начальные условия и конечные границы определяют возможности познания той или иной научной дисциплины.

Философское определение бесконечности, понимаемой как возможность выхода за пределы конечного (Л.6, стр.57), органически вошла в философию математики и дала законченную теорию исчисления бесконечных величин и множеств (с некоторыми ограничениями). Однако дальнейшее развитие самой философии, а вслед за ней и всей науки сдерживается отсутствием достаточного обоснования бесконечности, а также внятных определений потенциальной и актуальной бесконечностей. Аналогичное положение создалось с обоснованием и определением нуля или ничто, поскольку в физике вакуум и ничто совпадают, в философии ничто не совместимо с наличием чего-либо, а в математике анализ данного понятия переведен в исчисление бесконечно малых и т.д. Таким образом, назрела необходимость рассмотрения пределов применения рационально-теоретической философии и свойственных ей недостатков.

Отправной точкой любого действия является начало, однако, любое *начало* несет в себе нечто не мыслимое, не поддающееся определению, поскольку то, что считается «началом» на самом деле представляет только следствие, скрывающее *начало* (Л.7, стр.24, 65). Действительное начало не отвечает на вопрос почему, оно не осмысливается и сокрыто в себе самом, т.е. в понятиях всего иного, находящегося под действием причины, «*начало*» свободно от мышления, причины и имеет свободу и необходимость в себе, определяя «себя» и все иное. Представление «себя» для иного и есть суть *начала*, в котором мышление служит средством представления «себя» для всего иного и отличающегося. Очевидно, что мышление «иного» ограничивается мыслимым, а потому всегда конечно и не свободно от начала, т.е. мыслимое всегда подчиняется установленной причинности, а

мера представления «себя» составляет содержание причинности. Такое состояние причинности определяет первое ограничение рационально-теоретического (разумно-теоретического) типа мировоззрения, не признающего иррациональность и существование первопричины.

Неизвестность исходной причины, строения и меры причинности требует от мышления самоопределения. Такое самоопределение возможно только на основании некоторых положений, т.е. если существует единичное, то существует ..., если существует истина, то существует ... и т.д. Условие «если», разумеется, предполагает возможность другого строения мысли, имеющей иное обоснования и иное мышление. Но все-таки *если* существует мыслимое, то ... можно продолжать далее, в противном случае, ни какое самоопределение невозможно и на этом можно закончить. Если необходимость самоопределения обосновывается внутренней логикой мышления, то само мышление не несет в себе никакого обоснования. Более того, обоснование обоснования есть умножение сущностей рассмотрения, что противоречит самому мышлению. Из этого вытекает, что возможность мышления предустановленна, а всякая предустановленность есть предел, образующий второе ограничение рационально-теоретического типа мировоззрения.

Состояние априорности мышления предполагает, что независимо от размещения исходного пункта мышления и выбора аргументов в области мыслимого, устанавливается совпадение начала и конца любой развивающейся мысли, охватывающей, в конце концов, все пространство мыслимого. Однако такое пространство есть актуальная бесконечность и любая рациональная работа мысли в ней не может быть закончена, поскольку рациональное мышление исключает иррациональную составляющую, то это составляет третье ограничение рационально-теоретического типа мировоззрения.

Самоопределение мышления изначально отрицательно, поскольку следует заданной причинности, и установить истинность можно только отрицанием ложности, а не истинности и это, во-первых. Во-вторых, любое утверждение не содержит в себе абсолютной истины (первая теорема К. Геделя) и в силу этого приравнивается к отрицанию истины, т.к. и ложность использует для своего утверждения только часть истинности. В-третьих, любое утверждение, содержащее в себе «если», «или» уже предполагает ложность утверждения или необходимость дополнений, ограничивающих истинность, в связи с чем такое утверждение является ложным или недостаточным. В-четвертых, если имеется абсолютно истинное высказывание, тогда оно должно соответствовать всему мыслимому, составлять это мыслимое и быть причиной этого мыслимого, т.е. явлением, объясняющим себя для себя, т.к. ничто иное не в состоянии уразуметь такое явление. Этим устанавливается отстраненность сверхмыслимого от всего *иного* и логическое мышление *иного* не может строиться иначе как на отрицании того, что не имеет необходимого объяснения или не находит точки опоры в мышлении. Условное высказывание обладает той особенностью, что остается истинным (за счет части истины), когда само основание утверждения является ложным. Такое состояние определяет

четвертое ограничение рационально-теоретического типа мировоззрения.

Поскольку реальные свойства явления-предмета и мышление в символах совпадают в трансцендентном (сверхмыслимом), то устанавливается возможность существования трансцендентного предмета-явления одним из которых является знание (информация). Но знание по своей сути остается явлением объясняющим, а не преобразующим предмет, т.е. оставляет явление-предмет без изменений, какой он есть. Знание без действия как внутри себя, так и во вне, равно его отсутствию. Устанавливая за собой, возможность творения, знание творит не сам предмет, а из некоторых свойств предмета составляет новый предмет свойств, когда совокупность некоторых свойств приобретает новые свойства преднамеренно. Тогда то, что есть сущего в предмете безразлично к самому знанию, но структурное перестроение сущего от знания зависимо и образует некоторую область проявления знания, т.е. мышление составляет свой круг бытия для предметов, свойств, идей и т.п. Следовательно, познание состоит в образовании некоторой области, совпадающей с познаваемым явлением, а эта область и причинно-следственная связь, устанавливающая зависимость между явлениями совпадают по необходимости и выражаются одними смысловыми категориями. Установить общую тождественность такой области с множеством явлений невозможно, поскольку всегда найдется нечто выходящее за ее пределы и тогда все смысловые категории не являются абсолютными относительно явления, что составляет пятое ограничение для рационально-теоретического типа мировоззрения.

Может показаться, что свойства принадлежат предметам и эти свойства им внутрисложены. Но если некие предметы не имеют свойств, то не могут быть реальными и образуют пустое множество, которое не существует даже мыслимо. В то же время если свойства существуют «сами по себе», то могут быть мыслимыми, но без предмета просто остаются не реализованными. Выражение «сами по себе» не следует понимать лапидарно. Свойства обуславливаются не самим предметом, а внутренней структурой составляющих его элементов. Количественно-качественный состав элементарных частиц (\bar{e}, n, p) определяет все физико-химические свойства от гелия до трансурановых элементов, а четыре типа известных взаимодействий составляют предмет изучения физических наук. Структура же существует и мыслима без элементов, но им имманентна, т.е. размещение чего-либо в соответствии с топологией и образует разнообразие за счет нормируемой относительности, которая устанавливается причинностью более глубокого уровня. Квантовая теория показывает, что на (теоретическое) состояние элементарных частиц оказывает влияние (теоретический) сторонний наблюдатель (Л.2, стр. 646), т.е. материя и мысль связаны, но «простая» мысль не в состоянии изменить саму материю.

Следовательно, если мысль о свойствах несет в себе содержание, то это содержание сверхмыслимо. Такое положение устанавливает примат сверхмыслимого (внепричинного) над мыслимым и мыслимого над существующим (в некоторых границах), что составляет основание для теоретического познания чего-либо. Основание и обоснование имеют существенное различие. Развитие рационально-теоретической философии

всегда служит задаче на «потребу дня» даже если эта потребность представляет весьма отдаленное будущее, т.е. развитие философии и науки есть движение к выбранной цели, выбор которой может быть ошибочным. В этом случае обоснование подгоняется под цель, а когда цель признается ошибочной, происходит смена парадигм, мировоззрения и вавилонская башня начинается строиться заново. Рациональный тип мышления отвергает понятие абсолютной (потенциальной) бесконечности и оперирует только бесконечностью актуальной, что приводит к потере целеполагания и является шестым недостатком рационально-теоретического типа мировоззрения.

В самом деле, признавая абсолютное, мы признаем абсолютное знание, которое не может быть заключено только в себе, т.к. это является ограничением абсолютности знания. Знание себя не через себя (т.е. другого себя) дает полноту для себя, но является недостаточным выражения абсолютности во всей полноте. И только познание себя не через себя, но через иное (отличающееся), образует требуемую полноту. В таком состоянии устанавливается смысл целеполагания (познания) для иного. Аналогичное рассуждение, проведенное относительно бытия восстанавливает смысл бытия иного.

Своим именованием рационально-теоретическая философия четко очерчивает круг рассматриваемых явлений и способ познания окружающей действительности. Рациональное толкуется как разумное, целесообразное, обоснованное, что отличает рационально-теоретическую философию от философской науки понимаемой как учения о наиболее общих принципах бытия и познания, включающего в себя и метафизику. В связи с этим следует рассмотреть основные постулаты диалектики, которая отделяет себя от метафизики. Первое понимание диалектики как искусства аргументации и логики пропустим и перейдем ко второму значению, которое определяется как учение о связи и развитии, о противоречиях и единстве противоположностей.

2. Диалектика.

Учению элеатов о неизменности бытия Гераклит противопоставил учение о его текучести, которое принято считать первой исторической формы диалектики.

В системе Гегеля материальный и духовный мир представлен в виде процесса непрерывных изменений, в основании которого положено духовное начало – абсолютная идея, такая картина развития поручила название второй исторической формы диалектики.

Диалектика, созданная Марксом и Энгельсом, рассматривается как третья историческая форма диалектики (Л.4, стр. 23). Диалектика как теория, обосновывающая динамическую картину мира, где все явления находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности, а также как методика, использующая научные принципы возражений не вызывает.

1. Одним из основных достижений третьей исторической формы диалектики считается *принцип развития*, понимаемый как необратимое, направленное, качественное изменение системы (Л.4, стр. 25). Право же данное положение

сформулировано гораздо раньше словами «все течет и все изменяется» и что «в одну и ту же реку нельзя войти дважды». Почему же все изменяется и куда течет, третья историческая форма диалектики ответа не дает и не может дать, поскольку отсутствует целеполагание.

2. Диалектическая концепция считает противоречия источником самодвижения, саморазвития объекта. Закон *единства и «борьбы» противоположностей* занимает центральное место в материалистической диалектике, являясь ее «ядром». Противоположные стороны, свойства, тенденции не только зависят друг от друга, но они друг друга обуславливают, составляют единство. Другая сторона этого отношения - взаимное отрицание противоположностей, их «борьба». Противоречия возникают, развиваются и преодолеваются, ведут к возникновению нового качества, а это значит, что движение не привносится извне, а представляет собой самодвижение и саморазвитие (Л.4, стр25). Вот краткое обоснование закона единства и «борьбы» противоположностей третьей исторической формы диалектики.

Этот закон нуждается в отдельном рассмотрении. В элементарной математике существует понятие окружности с единичным радиусом, где мера единичности не задается, т.е. окружность может иметь радиус актуальной бесконечности. Данное положение можно перенести на весь континуум и рассмотреть вытекающие из этого положения следствия. Единичное не связано ни с чем кроме себя и представление единичности вне себя противоречит себе, в связи с чем единичное предстает как явление другого рода ко всему кроме себя. Умножение единичностей невозможно и все иное вне единичности не может существовать, т.е. иная единичность не может быть образована иначе как содержащаяся в первой, составляющей основу для всего. Условием существования и совмещения единичностей является общий параметр, определяемый внутренней причинностью единичности. Единичность не обосновывает себя, но содержит все для обоснования содержания себя. Не следует полагать, что иная единичность при наличии некоторого общего параметра является прямым продолжением первой, т.к. общий параметр являет сингулярность не только физическую, но и сингулярность мыслимую, т.е. обращает этот параметр единичности в немыслимое и этим разделяет единичности между собой в мыслимом. Предельное число совмещений единичностей конечно, поскольку обратное влечет за собой образование дурной бесконечности, исключающей возможность проявления причинности во всей полноте, т.к. построение топологии причинности с бесконечным числом параметров приводит к невозможности устроения реальности и образования какой бы то ни было единичности.

Единичность предстает как выражение полноты, включающей в себя все возможности, т.е. единичность, есть множество множеств, связанных между собой общей причинностью. Здесь и усматривается различие единичности и абсолютности, т.к. первое имеет причинность в себе и потому ограничено сверху, второе имеет причинность от себя и ничем не ограничено. Любое множество в единичности имеет меру по отношению к единичности, но не имеет минимальной величины этой меры. Наличие меры определяет

возможность существования любого множества, т.е. и множества мыслимого. Абсолютное меры не имеет и потому не мыслимо, однако, этим не доказывается, что абсолютное не существует. Переход от абсолютности к единичности есть переход от онтологии к гносеологии, устанавливающей необходимость ограничений любого явления или высказывания, что устраняет необходимость обращения к абсолютности, вводя понятие абсолютности в область конечно мыслимого. Но мыслимое, будучи, замкнуто на себя может быть ориентировано только на познание причастного себе. Мерой познания становится не мера упорядочивания мыслимого (информация), а идеи, в которых раскрывается организация причинно-следственных отношений. То есть информация, обладая свойствами атиэнтропийности, не составляет предмет познания, а является средой в которой знание составляется.

Совмещение в единичности множеств с отличающейся топологией возможно, но приводит к нарушению причинности. Если изменение топологии чего-либо, ведет к нарушению причинности, тогда установление топологии, приводит к причинности, но т.к. топология представляет совокупность всех свойств топологического пространства, а каждое свойство мыслимо, то и совокупность свойств может быть установлена мысленно (но не исходная причина). В данном случае под «иной» топологией понимается не множество топологических инвариантов, а многомерная топология, связанная с первой только некоторым параметром. Допустим, что множество множеств мыслимого формируется по принципу: множество А подобно множеству В если в множестве А и В подмножества С удовлетворяют условию Д. Если условие Д находится в том же логическом пространстве, то производится только расширение логики. Если свойство Д характеризуется как *иное*, то новая топология приводит к нарушению причинности и следует или принять это или сменить топологию (точку зрения), т.к. свойство Д для топологии А внепричинно. При смене топологии восстановлении причинности связано с сохранением логики, т.е. мышление и явление подчиняются общей причинности и только поэтому объясняются и существуют. Явление существует в сознании, а сознание существует и не существует в явлении.

Существует потому, что связано некоторым рядом общих параметров, но не существует, поскольку в пространстве мышления один ряд параметров не составляет мышление, а другие ему временно недоступны. Явление же существует всегда в том смысле, что при отсутствии сознания (мышления), явление перестает осознаваться, но продолжает оставаться явлением, а при отсутствии явления, но наличии мышления может быть представлено.

Если что-либо существует, то этим устанавливается начало существующего, поскольку миновать, предшествующее началу невозможно. Тогда «ничто» предваряет начало единичности - это раз. Допущение о существовании «ничто», как отсутствии чего-либо, с логической неизбежностью приводит к существованию и всего (при наличии чего-либо), т.е. единичного (единственного в своей полноте), поскольку наличие существующего не совместимо ни с ним, ни с «ничто». Следовательно, возможность существования чего-либо само по себе приводит к отрицанию и

«ничто» и единичного. Приятие единичного ведет к тому, что кроме единичного быть ничего не может, ибо при произвольном существовании еще чего-либо теряется его единичность. Тогда «ничто» предстает как некоторое зависимое или независимое от него образование. В первом случае приходим к противоречию в единичности, т.к. «ничто» появляется прежде единичности, но им обуславливается. Во втором случае единичное теряет гносеологический статус, но по необходимости приобретает онтологический, т.к. внутренняя причинность единичности не допускает существования «ничто» вне себя – это два, но с намеком на абсолютное. Единичность начинаемая с «ничто», ограниченная сверху, но беспрестанно усложняемая в самопознании, есть логический перевертыш, это три. Существование и несуществование, исключая друг друга, являются частями чего-то большего, чему нет имени и объяснения, вследствие чего и порождается этот перевертыш. По словам А.Н. Чанышева на XX Всемирном философском Конгрессе в 1998 году: «Всё, что существует, существует. Всё, что существует, в большей степени существует, чем не существует. Всё, что существует, существует не существуя, а всё, что не существует, не существует существуя. Всё, что существует, в большей мере не существует, чем существует. Небытие имеет приоритет перед Бытием, потому что Небытие не может возникнуть из Бытия, тогда как Бытие возникает из Небытия как его простое и общее самоотрицание». Вернее было бы сказать – противопоставление. Если логика противоречит логике, то следует сменить пространство мышления на то, в котором есть место для веры, но в этом пространстве остается мало места для рациональной единичности. Вера онтологична по определению и опыт веры есть новое знание, не имеющее отрицания в себе, что предопределяет ошибки веры, обнаруживаемые не логическим путем или фактами, но соотносимостью сознания себя и Бога в себе, присутствующего в нем. Онтологическое познание не содержит противоречий, они устраняются верой. Являясь столь же предустановленным, оно включает в себя гносеологический принцип в виде частного случая познания (в котором отсутствует цель). Поскольку онтологическое познание существует, то существует и онтологическое мышление (имеющее цель), позволяющее мыслить об абсолютном, бездоказательно для всякого другого, но положительно в пределах собственного опыта веры.

Устанавливая символ абсолютности, сразу устанавливается и символ ничто, т.е. все рассуждения относительно абсолютности переходят в сознании в гносеологическую категорию и абсолютное предстает как единичность, а ничто как «0». Нуль не имеет значения трансфинита. За любым произвольно взятым классом бесконечности (классом трансфинитных чисел) теория множеств всегда обнаруживает новый класс, и этот процесс движения по иерархии бесконечностей сам оказывается бесконечным. (Л. 8) Поэтому все дальнейшие рассуждения отражают только представления об абсолютности в сознании иного, но поскольку они имеют антропоморфный характер, то для установления истинности необходимо их отрицание по возможности.

С точки зрения иного, в истоке *начала* представления абсолютным

«себя», лежит желание, но любое желание является проявлением недостаточности и несвободы, а тогда и любое действие проявление той же несвободы. Следовательно, полная свобода есть полный покой и отсутствие нужды и желания в чем-либо. Всякое развитие, улучшение или движение абсолютного невозможно, всякое изменение в нем излишне, поскольку все это предполагает несовершенство, предельность и не обладание полнотой, а существование чего-либо помимо абсолютного недопустимо. Однако пребывание в покое есть суть ограничения собственной свободы. Но если свобода, желание, действие и сама причинность, не имеют ни какой причины, то они ничем друг от друга не отличаются, а обуславливают установление или устранение необходимости, возможности, случайности для всего *иного*, т.е. существование *иного*, является только способом проявления внепричинного в устанавливаемой причинности. До состояния *начала*, это *иное*, может характеризоваться как «ничто» - не существующее, но имеющее возможность существовать после установлению причинности.

В самом себе абсолютное не приемлет отрицания ни в каком виде и «ничто» может быть только противопоставлением абсолютному и поскольку производно от него, смысл «ничто» не определяется, а попытки разобраться ведут к противоречию.

В понятиях иного, «ничто» может быть представлено как совершенное отсутствие чего-либо и как состояние внутренней, динамической уравновешенности чего угодно, в котором оно не определимо для всего иного, однако, не в себе и не для себя. Тогда в понятиях иного такое «ничто» допускает возможность существования в нем иного, «ничто» и абсолютного. Возникает вопрос о соотношениях абсолютного, «ничто» и «нечто» (иное). Поскольку абсолютное вмещает в себя все состояния, то «ничто» является необходимым условием существования «нечто», т.к. только «ничто» совместимо с абсолютным. «Нечто» не может быть просто так размещено в «ничто», поскольку некоторое «нечто» как сумма положительного и отрицающего не образует «ничто». Статус абсолютности принадлежит только абсолютному, в связи с чем более низкие категории равенства или отрицания к нему не применимы, но эти же категории не применимы и к «нечто», так как требуют обращения к бесконечности.

Может показаться, что данное положение требует обращения к абсолютному «Ничто». Абсолютное «Ничто» и абсолютная полнота не связаны каким-либо соотношением между собой, в силу чего абсолютное «Ничто» всегда может быть размещено в абсолютном. В этом случае возникает необходимость введения некоторого трансцендентного «ничто». Допущение, что трансцендентное и некоторое «нечто» дают абсолютное «Ничто» устанавливает неизменность абсолютного и «Ничто». В такой системе некоторое множество «нечто» не просто вложено в абсолютное «Ничто» в виде противоположных множеств, но составляет систему объединяющую абсолютное, трансцендентное и «нечто». Отрицательное не имеет место в абсолютности, поскольку отрицание всего невозможно, а отрицание какой-либо части устанавливает несовершенство в абсолютном. Всякое отрицание для обоснования обратного уже содержит часть положительного и вследствие своей неполноты образует противоречие

содержанию абсолютного. Поскольку абсолютное имеет только положительное содержание, то причинность противопоставляет ему «ничто», посредством которого необходимо вводится отрицание внутри «нечто» (для сохранения «ничто», как возможности существования нечто»). Противопоставлением себя в себе не нарушается единичность и абсолютность, т.к. это определяет себя в себе же, но этим же устанавливается относительность, образующая множественность в себе, которая из условия полноты реализуется представлением единичности себя во множественности себя. Причинности в таком явлении не существует, поскольку абсолютное беспричинно и любая из сторон себя выражается через целое и представляет собой это целое - как некоторое состояние себя для иного. Однако если противопоставление содержится внутри «нечто», то этим устраняется необходимость обращения к абсолютному «Ничто», поскольку «нечто» и есть «ничто», но условием существования такого образования становится трансцендентное. Трансцендентное, вмещающее в себя все что угодно, упраздняет необходимость абсолютного «Ничто» и остается только простое «ничто» - «нечто(ничто)». Тогда совокупность образования «нечто(ничто)» и трансцендентного составляют сущность абсолютного.

В такой системе устраняется необходимость полного равновесия между положительным, противоположным и отрицающим в «нечто(ничто)», поскольку неуравновешенность выступает движущей силой «нечто(ничто)», а отрицание приобретает условие минимальной неполноты, устраняемой (расширяемой) трансцендентным не для «нечто(ничто)», но в силу абсолютности. Абсолютное безусловно, т.к. любое условие составляет суть ограничения, поэтому «нечто(ничто)» [далее иное] предстает как явление другого рода по отношению к абсолютному и трансцендентному и содержит только необходимое и возможное (ограниченное). В силу зависимости своего существования от трансцендентного, такое образование причинно.

Установление причинности имеет причину в абсолютном, поэтому свобода абсолютного отлична от свободы всего иного (Л.3, стр.628). Свобода иного зависима как от состояния этого иного, так и от всего внешнего, позволяющего реализовать эту свободу, без чего свобода не является реальностью. Однако, рассматривая проявление свободы в мыслимом (как предельной степени возможности проявления свободы) видим, что мыслимое не свободно от причинности и от индивидуального множества мыслимого. Мысль не может пребывать за пределами мыслимого, как и слово не может быть произнесено до рождения его мыслью, т.е. реально мыслимое субъективно и ограничено собой. Все ограниченное собой представляет некоторое множество множеств, связанное по-возможности непротиворечиво, но в силу собственной неполноты заключает противоречия в себе самом. Если от некоторого мыслящего множества зависит решение о достоверности или ложности чего-либо, то по отношению к истине решение такого множества является случайным, которым мышление руководствоваться не может, т.к. в противном случае исчезает само мышление. Но обратная сторона случайности есть вероятность и, пропуская исходное через все оптимальные подмножества, мышление

получает наиболее достоверный результат в пределах мыслимого. Таким образом, свобода мысли является следствием случайности, замещенной вероятностью, а сама случайность неслучайна, поскольку неслучайно производится операция замены частной неопределенности на высшую. Случайное проявляется в существовании некоторого частного и немислимо без него и, образуя отличающуюся свободу этого частного, является необходимым и достаточным условием его существования. Соотношения между необходимым, случайным и возможным не определимы (трансцендентны по первопричине), поскольку необходимое может устанавливать возможное и случайное в виде необходимости, возможное допускает проявление необходимого и случайного, а случайное определяет необходимость и возможность как элементы случайного.

Трансцендентное образует «нечто(ничто)» и не допускает поглощения его собственной абсолютностью в связи с чем предстает для всего иного как динамическое выражение абсолютности во всей полноте и множественности себя, где полнота абсолютности сама устанавливающая причинность не имеет в себе отличия мысли от силы, силы от чувства и т.д. но содержит отличия в форме представления. Иное находит себя в причинной случайности, чем устанавливается простое отличие от трансцендентного и через случайное (неслучайно) обретает бытие, силу, мысль и чувство.

Поскольку иное не может существовать недвижимым (иначе не реализуется причинность), то при прекращении движения оно теряет свои свойства и исчезает, становясь чужеродным абсолютному, трансцендентному, существующему. При движении (развитии) этого иного реализуется полнота множественности иного, которая допускает самостоятельное установление причинности для себя и для другого.

Таким образом, мы видим, что самодвижение и саморазвитие материи не содержится в себе самой, а обусловлено внешней причинностью, нашедшей выражение в законах материи. Самодвижение и саморазвитие живой материи также обусловлено внешней причинностью, нашедшей выражение в законах живой материи. Самодвижения и саморазвития мысли не существует, поскольку является производной от субъекта мышления и обуславливается его свободой воления и условиями, в которых развивается его мысль.

3. Квинтэссенция закона *взаимного перехода количественных и качественных изменений* третьей исторической формы диалектики выглядит следующим образом. Развитие не есть лишь простое (количественное) уменьшение или увеличение, оно всегда, неизбежно приводит к возникновению нового качества, ведет к качественным изменениям, совершающимся в форме скачка. Сам переход в форме скачка закономерно обусловлен количественными изменениями и представляет собой их прерывность. Таким образом, развитие происходит в единстве прерывности и непрерывности. Диалектическое единство количественных и качественных изменений, единство прерывности и непрерывности выражается законом взаимного перехода количественных и качественных изменений. Данный закон определяет характер происходящих процессов, показывает, как совершается развитие (Л.4, стр.26). Подлежащую исследованию диалектическим методом сложную систему связей Маркс характеризует как

«органическое», «диалектически-расчлененное целое». «Органическое целое» – исторически возникшая, развивающаяся и крайне сложно функционально расчлененная система связей и процессов, взаимовлияющих друг на друга. Отдельные связи, стороны, процессы целого распадаются как различные функциональные его члены, в то же время соединяясь в его структуре. Элементы, члены (*gliederung*, как выражался Маркс) структуры, то есть предметы, связанные и помимо их координации так, что целый ряд их свойств вытекает из их переплетения, взаимовлияния, происхождения одного из другого и т.п. Предмет, модифицирующий другие предметы (или происшедший из них, или являющийся их формой проявления и т.п.) и составляющий вместе с ними какую-то подвижную структуру, не является, строго говоря, ее «частью» (Л.9).

Поведение функций заданных аналитическим выражением исследуется с помощью производных (дифференциальное исчисление). В принципе изменение какого-либо явления можно представить в линии, плоскости, п-мерном пространстве. Точки перегиба являются характеристикой поведения функций в критической области и в зависимости от своего вида могут означать непрерывность или разрыв функции. Участки функций до и после разрыва выражаются различными аналитическими зависимостями. Аппарат исследования функций разрабатывался Г. Лейбницем и Ж. Лагранжем (1675 и 1797 гг.) задолго до рождения основоположников третьей исторической формы диалектики в связи с чем, формулировка перехода из одного состояния в другое, подчиняющегося иной закономерности не несет в себе ничего нового. В действии материальных законов невозможно усмотреть какую-либо борьбу между ними. Существуют только пределы применения закономерностей диктуемых этими законами. Смена действия одного закона не уничтожает предмет, а подчиняет предмет действию новой закономерности. Несколько иначе обстоит дело в области мышления.

Диалектическое мышление предполагает единство, сочетание анализа и синтеза в ходе исследования предмета. Анализ и синтез в смысле кантовского различения «аналитических» и «синтетических» суждений фактически означает отличие способа получения знаний путем чисто логической обработки данного опыта («аналитическое») от способа получения знаний путем обращения к содержанию, путем привлечения к исходному знанию каких-то иных данных опыта. Но различие «аналитических» и «синтетических» суждений невозможно, т.к. каждый момент движения мысли синтетичен и, следовательно, в нем нельзя увидеть никаких различий.

Познавая что-либо, производится расчленение и выделение сторон, свойств, связей, т.е. «анализ». С другой стороны, установление отношений между зафиксированными в мысли предметами или их сторонами есть «синтез». Соотношение первого и второго есть определенный процесс и в основе его лежит связность в топологии мышления. Абстрагирование предмета и выработка о нем каких-то знаний еще не означают его анализа, если при этом не рассматриваются те его свойства, которые отличают его как часть совокупности предметов от других предметов этой же совокупности. Процесс отражения подобных явлений соответственно фиксируется иными,

чем анализ и синтез, логическими понятиями и категориями. Осуществление логических действий расчленения и воссоединения предметов предполагает фиксирование содержания в понятийной форме. Возникают понятия целого и части, фиксирующие отношение свойств целого и свойств частей в общем виде, где на основе установленной топологии мышления протекает логическая деятельность. Процесс логического анализа и синтеза возникает из практически-чувственной деятельности человека, но, раз возникнув, обладает своими собственными законами. Это видно из того, что практическое расчленение и воссоединение предмета исключают друг друга (расчленение предмета не дает его соединения). В применении к логическому процессу имеет смысл говорить об анализе посредством синтеза, и наоборот. «Часть» – внешне обособленный предмет, входящий в состав другого предмета («целого») и выполняющий в нем определенную роль. «Целое» – предмет, состоящий из различных частей и обладающий в силу этого определенными свойствами, которых нет у отдельных частей и которые присущи лишь множеству этих частей. Целых предметов, то есть таких, которые целиком сводятся к свойствам своих отдельных частей вообще не бывает, т.к. в этом случае понятие целого и части сливаются. Синтетическое знание не является простой механической суммой знаний о частях; оно представляет собой новое знание. (Л.9) Аналитическая и синтетическая задачи осуществляются противоположно направленными действиями, корректируемыми обратной связью с итерацией, которая в теории автоматического регулирования носит название ПИД-регулирования. До тех пор пока поставленная задача находится в зоне непрерывности, т.е. аналитическое и синтетическое суждение находятся в одной области суждений, решение может быть найдено. Если аналитическое и синтетическое суждение находятся в разных зонах, то процесс поиска решения становится нелинейным. Амплитудно-фазовые характеристики процессов суждения могут сойтись в начале координат – верное решение, но могут и не сойтись или сойтись в другой точке – неверное решение (Л.5, стр.150). Случай с множеством решений ничего не меняет. Из этого следует, что в зоне нелинейности процесс может идти как угодно и, характер процесса обусловлен особенностями самого субъекта мышления. Это является противоречием процесса отражения, какого либо явления в самом мышлении. Деятельность мышления с одной стороны всегда остается целостной, что позволяет производить анализ, с другой всякий акт мышления фрагментарен и это позволяет выполнять синтез. Соединяясь мысленно (или экспериментально), части осознаются как части данного целого и, разлагаясь мысленно (или экспериментально), осознается целое как состоящее из специфических частей, обладающее вследствие этого специфическим свойством, отличающим мышление от других предметов и явлений. Непонимание сущности разрыва в анализе и синтезе приводит к метафизическим извращениям. В плане анализа получается разрыв связей целого, превращение абстрагированной его части в абсолютный, изолированный предмет. В плане синтеза – сведение целого к механической сумме частей, связи между которыми остаются нераскрытыми, то есть синтез отнюдь не воссоздает разорванные анализом связи. Для того что бы в какой-

то степени ликвидировать этот пробел необходимо обратиться и принципам мышления.

4. Закон «отрицание отрицания» в третьей исторической формы диалектики доказывается следующим образом. Развитие есть поступательное движение к новому качеству, которое предстает как результат взаимосвязанных переходов от старого к новому. Без отрицания старого возникновение и созревание нового невозможно. Отрицание старого не есть его полное уничтожение. Оно представляет собой связь нового и старого. Отмирает и исчезает отжившее. Содержание, которое необходимо и способно к дальнейшему совершенствованию и развитию, ничего существенного не утрачивает, оно «снимается» новым качеством, переходит в свою противоположность. Такое отрицание есть диалектическое отрицание, выражающее противоречивую природу поступательности и преемственности в процессе развития, характеризующее возникновение нового и относительную повторяемость, необходимость моментов старого. Таким образом, исходное состояние в силу противоречивой природы развития превращается в свою противоположность, свое отрицание, что, в свою очередь, неизбежно подлежит превращению уже этой противоположности в свою противоположность, происходит отрицание отрицания. Развитие как бы повторяет пройденные стадии, но на новой, более высокой ступени. Весь процесс развития предстает как определенная последовательность циклов и образно выглядит в виде расширяющейся спирали, указывающей общее направление, тенденцию развития. В целом направление процесса развития обусловлено действием закона отрицания отрицания, определяющего единство поступательности и преемственности в развитии, возникновение нового и относительную повторяемость отдельных необходимых моментов старого. Итак, если закон единства и борьбы противоположностей раскрывает причину, источник развития, объясняет, почему есть движение, развитие, а закон перехода количественных изменений в качественные характеризует процесс развития, объясняет, каков характер этого процесса и как он совершается, то действие закона отрицания отрицания обнаруживает направление и итог, результат развития — в каком направлении и к чему ведет развитие (Л.4, стр.27).

К сожалению, закон отрицания отрицания декларируется без доказательств обоснования и установления причины его действия, т.е. постулируется. Мир вещей и явлений не нуждается в доказательствах, но в мире мышления доказательства необходимы. Законы материального мира не могут отрицать друг друга, обратное утверждение является логическим перевертышем, образованным в сознании при операциях анализа и синтеза. С точки зрения логики закон «отрицание отрицания» сформулирован не вполне удачно. Отрицание ложного утверждения не устанавливает истину, а указывает, что данное частное утверждение не является истиной. В общем случае, высказывание с минимальным объемом отрицания представляет гносеологическую истину, с максимальным — ложность или истинное отрицание.

С точки зрения диалектики (не третьей формы) о материи результирующее значение взаимоисключающих тенденций можно

представить некоторой характеристикой (точкой, линией, поверхностью, объемом и т.п.) в p -мерном пространстве. Отсутствие движения говорит о стабильности состояния, движение означает изменение. До тех пор пока характеристика не входит в зону разрыва возможно изменение количественных характеристик, но после излома (разрыва) неизбежно попадание в зону, где действуют другие законы. Переход через характеристику излома и является моментом возникновением нового качества. В p -мерном пространстве каждая вещь находится в зоне устойчивости, до тех пор, пока отсутствует изменение ее характеристик. Внешние воздействия заставляют скользить такую характеристику по поверхности образованной $(p-1)$ -мерной плоскости. Количественные изменения характеризуются скольжением характеристики по $(p-1)$ -плоскости, обратимые фазовые изменения вещества связаны с подъемом на $(p-1)$ -мерной плоскости, необратимые изменения означают переход за вершину перегиба. Поскольку два вещества принадлежат к разным зонам такой плоскости, то при их взаимодействии неизбежно и появление новых свойств, зависящих от параметров $(p-1)$ -мерной плоскости, характеризующей внутреннее строение этих веществ. Структура вещества проявляет его свойства. Возможны два варианта постановки вопроса о сущности и свойствах материи, из которой состоит реальность. Материи имманентен набор некоторых свойств и обратное, набор некоторых свойств составляет множество, которому имманентна материя. Первое указывает на первичность материи и вторичность свойств, поскольку свойства атрибутируются материи, второе на первичность мыслимого. Из первого не определяется причина материи, второе предоставляет такую возможность.

Так как любое свойство мыслимо, то некоторое их множество определяет сущность материи – назначение которой продолжить действие мысли в другом состоянии – реальности, т.е. перейти из состояния абсолютности - не мыслимости (внепричинности), в состояние мыслимости – причинности. Чистая мысль есть замысел, мысль действующая (*ἐνέρῳσα*-греч.) определяется как причина движения, а энергия служит реальным ее воплощением. Совпадение мысли с самим предметом устраняет причинность для предмета, поэтому первообразные свойств не могут быть сформулированы и обнаружены в предмете, поскольку в чистом своем виде являются сверхмыслимыми элементами первопричины. Таким образом устанавливается онтологический статус понятия множественности и ее необходимости. К примеру, логические элементы в отдельности представляют собой символы лишенные всякого смысла и только в образованном множестве способны породить смысл. Смысловое содержание действий предустановленно этим множеством (логическим), т.е. само множество соответствует этим операциям и элементам, постулируя их. Если некоторые совокупности первообразных свойства способны образовывать реальные множества свойств, а мысль (вернее сверхмысль – как первопричина реальной мысли) содержит в себе эти совокупности, то некоторая группа их, может составить для себя энергию мысли в виде законченного множества. Поскольку мысль о свойстве содержит всю полноту выражения свойства в отношении всех других свойств, то в

гносеологическом плане ее описание должно представлять систему нелинейных зависимостей (в противном случае не реализуется множественность) с большим числом измерений, чем требуется для данного множества измерений. Если мысль содержит в себе ἐνέρῳεια мысли, тогда материя есть полнота мыслей о материи или иначе – законченная совокупность энергий, выражающаяся в материализации мысли и образовании множества элементарных единиц материи. Такое множество образует множество новых свойств, где новое выражение ἐνέρῳεια мысли состоит не в добавлении прежнего к уже имеющемуся, т.к. полнота материи уже реализована, а в использовании структуры самой материи. Если некоторые новые свойства проявляются материей, то принадлежат не материи, а ей имманентны, т.е. предустановлены и образуются только в определенном множестве (элементарных единиц, форм и т.п.). Такое состояние позволяет составить из элементарных единиц материи множество элементов с периодически повторяющимися свойствами. Например, в зависимости от количества электронов на последней орбите зависят химические свойства, а общее их количество в некоторой степени характеризует сам элемент. Новое множество свойств предмета, составленного из множества элементов достигается использованием структуры этого множества, где связи между элементами дают новые свойства. Множества множеств усложняют организацию материи, где уже не только форма, структура, состояние, порядок следования или архитектура строения, но само множество множеств составляет предмет своих новых свойств. С усложнением материи энергия связей между множествами множеств слабеют. Если вначале мысль несет в себе максимальную энергию и порождает материю, то с усложнением материи энергия мысли уменьшается и наступает момент, когда такая материя свободна от внешней мысли и «сама» определяет свое состояние и движение в соответствии со своим содержанием. То есть свойства элемента становятся, в некоторой степени, независимы от исходной материи и ею не определяются. Такое состояние есть переход от необходимости к возможности, а далее и к случайности. И то и другое имеют онтологическую категорию, поскольку одновременно принадлежат и внутреннему и внешнему, т.е. когда общее состояние предмета зависит от своего внутреннего состояния и состояния внешнего окружения, составляющих всеединство. Дальнейшее развитие материи приводит к тому что «предмет», становится сущностью и уже его мысль преобразует элементы и предметы, вкладывая в них энергию своей сущности, чем устанавливаются новые формы развития материи, но уже не материальные.

Поскольку простая материя есть полнота мыслей о материи, то такая полнота не подлежит расширению и может характеризоваться как законченное (свернутое) множество. Откуда следует, что по-настоящему элементарные частицы материи не могут быть материальными, а материальность обнаруживается как состав некоторого множества этих частиц, обуславливающего дальнейшее развитие мысли о материи. В таком акте производится разделение иррациональной и рациональной составляющей мысли, что является необходимым условием существования,

развития и бытия чего-либо, т.к. иррациональность бесконечна и не мыслима.

Новые свойства материи образуют новые множества, для которых свертывание невозможно, в силу реализации в них возможности и случайности по необходимости. Случайность по необходимости означает всеобщую связность частного и общего, когда хаос предстает высшим проявлением порядка, а иррациональное и рациональное объединяются.

Так как случайность и возможность выражаются посредством действия, а действие зависит от физических характеристик, то событие реализуется во времени и принимает характер ожидания события. Но время само есть частный случай причинно-следственной связи, а тогда возможность и случайность есть продолжение установленной причинности. Там где случайность и возможность не реализуются - в описанное состояний предмета (явления) время не входит, но поскольку причинность (время) объединяет все состояния, то описание без времени есть упрощение описания.

Если предмет проявляет новые свойства, то это соответствует некоторым условиям их появления, т.е. не сам предмет является причиной появления новых свойств, а совокупность состояний (формы, структуры и т.д.) предмета вызывают новые свойства. Иначе, дальнейшее развитие мысли о предмете открывает возможность появления новых свойств предмета, т.е. состояние предмета есть совокупность уже явленных свойств (мыслей), и новые свойства могут появиться как новый уровень реализации мысли, где предмет свойств - есть мысль о свойствах предмета.

Мыслимое является упорядоченным по необходимости, т.к. в противном нарушаются причинно-следственные связи, да и сам акт мышления становится невозможным. Все, что выходит за рамки логической связи мыслей о предмете не может быть реализовано предметно, но если все реально существующее ограничено, то и множество свойств составляет ограниченное множество и тогда ограничено развитие материи. Напротив, неограниченное множество уровней, в которых реализуются все новые и новые ее свойства составляют суть развития материи, где изменяемая материя может иметь свойства отличающиеся, что предполагает бесконечность ее развития.

Причинно-следственная связь есть некоторая причина для возникновения чего-либо и поэтому имеет необходимо более высокий онтологический статус, чем пространство и материя. При установлении физических характеристик размещение элементов материи реализуется в пространстве, а причинно-следственная связь, при сохранении своего онтологического статуса, приобретает способность выражаться во времени. Следовательно, сутью любого начала является установление причинности и установление причинности принадлежит не материи. Если принять установление причинности за кардинальную причину, а возникновение единичного случайного события, устанавливающего новую причинность за большую причину, то в кардинальном множестве не может быть бесконечное множество больших причин, а любая простая причина не может состоять из неограниченного числа множеств.

Установление причинности подразумевает необходимость наступления

следствия, тогда промежуток между наступлением причины и наступлением следствия является устанавливаемым и не устанавливаемым. Устанавливаемое в том смысле, что скорость наступления одного следствия и скорость наступления другого следствия от разных причин всегда имеют одно отношение, которое и выражает суть времени. Не устанавливаемое потому, что минимального значения времени не существует, т.е. существуют процессы, скорость которых не определяется. При отсутствии скорости следствие не наступает или вся цепочка связей устанавливается мгновенно и тогда имеет смысл говорить об установлении порядка причинных последовательностей. Событие по необходимости является конечным, т.к. в противном случае его не существует. Если устанавливаются скорости наступления событий, то причинно-следственные связи приобретают характер времени только в результате сравнения с одних с другими и появляется возможность выразить медленное через более быстрое, где вектор скорости направлен от причины к следствию, а не иначе. Наступление события необходимо устанавливает цикличность, ибо одиночного события не бывает, и если такая цикличность является наиболее независимой и общей для всей причинности, то существует минимальное время (объем), которые становятся константами в причинности наряду со скоростью. Такому определению времени чуждо понятие настоящего и существует только прошлое и будущее, разделяемое неопределяемым временным промежутком. Вложение второй единичности в первую необходимо вызывает синхронизацию цикличностей с наложением собственной случайности на случайность первой и т.д. При определении меры всякое количество должно быть соотнесено к другому количеству и только тогда можно говорить о величине одного и другого. Таким образом, мы приходим к выводу, что время является субъективной величиной (мера устанавливается субъектом), но как всякое множественное явление имеет свойства, выходящие за пределы самого явления. Время с физической точки зрения не имеет смысла (поскольку является производной скорости) и не входит, как основополагающая величина ни в одну основную формулу, а вытекает из этих формул. Но поскольку время переходит в историю, которая несет в себе новые смыслы и раскрывает процесс становления и его цель, то становится онтологической категорией, которая есть основное обоснование существования всего *иного* (Л.3, стр.633). Различие в природе причинно-следственных связей в отношении материи и духовной жизни состоит в том, что физическое время не является основным показателем, определяющим духовную жизнь. Поскольку духовная жизнь предполагает наличие мышления, как некоторой новой системы причинно-следственных связей, то в такой системе умоизмеримое становится умопостижимым, т.к. то и другое обретаются умом и по отношению друг к другу составляют явление одного рода. В чистом виде такое явление есть возможность, реальное выражение которой существует только при наличии субъекта. Но всякая реальность устанавливает предельность любого ума. Однако такая граница не имеет фиксированного предела и может беспредельно отодвигаться в зависимости от количественно-качественного состояния постигнутого. Таким образом, между умоизмеримым и умопостижимым обнаруживается пропасть, мощь,

которой аналогична различию идеального и реального (антиномия Рассела).

Такое состояние не содержит противоречия с утверждением о гносеологичности частной истины и частного времени, отличающейся свободой всего иного, необходимости существования иного (в т.ч. мыслимого) только в движении (изменении), ограниченности всего иного сверху и снизу (в математическом и физическом смысле), полноты выражения причинности и т.д., но исключает необходимость отрицания отрицания, как движущей силы развития.

3. Символьность мышления.

Если мышление понимать как способность к генерации информации особым образом, то с этой точки зрения субъект мышления не творит нечто новое, а устанавливает связи между явлением и причиной в своем мышлении посредством некоторого универсального алгоритма, именуемого мышлением. Поскольку любой акт мышления есть действие, обусловленное некими оперируемыми в нем элементами-символами, замещающими в мышлении реальные явления, то все мыслимое начинается символом и им же заканчивается. То есть любой символ соотносится с некоторым пространством мышления, в котором определяется выражение дополнительных отношений в новой обобщенной форме. Объяснения символам нет, поскольку начальные символы произвольно постулируются, а последние не определяются как окончательные. В таком акте мышление отделено от предмета мышления, вследствие чего нуждается в дополнительных символах-определениях, посредством которых составляются символы образов, идеи явления. Исходные символьные множества образуют группы множеств, которые объединяются в единое только при установлении нового символа, т.к. простое сложение символов невозможно.

В случае явления-предмета образ предмета, трансформированный сознанием через органы чувств, становится символом предмета. Предмет есть как он есть, и образ предмета, каков он есть в представлении о нем, составляют простое отличие. Но образ предмета отнесен к самому предмету, тогда сам образ предмета и представление о нем необходимо совпадают, поскольку размещаются в мышлении. В таком случае неизменность предмета обеспечивает неизменность образа и символа, т.е. обеспечивается совпадение понятия предмета и его символа. Если реальный предмет имеет свойства, то символ-предмет этого не имеет и свойствами наделяется исходя из реальных свойств предмета. Следовательно, явление-предмет независим от сознания, а свойства предмета совпадают с мышлением о его свойствах, но имеют значение только для мышления, т.е. явление-предмет и явление-мышление представляют явления разного уровня, а нечто общее их объединяющее пребывает вне их. Все составляющее предмет познания производно не от явления, а от изменений этого явления. Мышление способно на прямую и обратную операцию извлечения смыслов из бытия потенциального (реального) в бытие реальное. Смыслы являются производными от символов и при установке символов в сознании неизбежна их индивидуализация, что исключает условия тождественности реального познания, а не познания

вообще – безличностного, чем, кстати, устанавливается отличие смысла для произносящего слово и воспринимающего его.

Мыслимое становится реальным мышлением, когда устанавливается некий начальный элемент и посредством введения дополнений, исследуются соотношения и связи с другими элементами-символами. Символьные множества расширяются и составляют некоторый образ, наполняя его своим содержанием, каждый раз образуя новый уровень мышления, возвышающийся над исходными понятиями. Такое постоянное усложнение символов составляет работу сознания, в котором ведется поиск их абсолютных и недостижимых определений. Каждый символ дистанцирован от мышления и символьное множество не может быть дистрибутивно мышлению, т.к. не составляет само мышление, но служит средством его выражения, а сам акт символьного мышления не есть само мышление, а лишь внешнее его проявление. Поскольку в мышлении абсолютно все обращено к мышлению внешним образом, то мышление требует субъекта мышления, производящего акт именования. Слово (имя, знак) устанавливает обозначение какой-либо части явления и связывает это обозначение с другими, следовательно, в таком акте предполагается наличие логической связи. С одной стороны слово именует явление и тогда представляет собой нечто целостное и единичное, с другой стороны целостность и единичность возможна только в замкнутой системе, когда это единичное и составляет саму систему. Такая двойственность слова заключается в том, что в статике, т.е. без связи с другими слово единично и не может быть изменено или дополнено, т.к. в противном случае явление, обозначаемое словом, обязано иметь другое имя. Но в составе множества абсолютность слова утрачивается, т.е. слово входит в дополнительное смысловое измерение, в котором оно может принимать новые значения и смыслы (Л.10).

Прежде чем человек начинает оперировать словами, у него уже имеется доречевое психическое содержание. Этому «материалу», полученному от более ранних уровней развития (элементарных функций), психологическое орудие придает качественно новое строение. И тогда возникают высшие психические функции, а с ними вступают в действие законы культурного развития сознания, качественно иного, чем «натуральное», природное развитие психики (какое наблюдается у животных). Человек не получает готовым свой внутренний мир (Л.11). С этой точки зрения интересны опыты Гельмгольца. Занявшись зрением за объяснительный принцип принял анатомическое начало. Такой способ объяснения оказался непригодным, когда он от ощущений перешел к анализу восприятий целостных объектов в окружающем пространстве. Этот анализ побудил ввести два новых фактора: а) движения глазных мышц; б) подчиненность этих движений особым правилам, подобным тем, по которым строятся логические умозаключения. Поскольку эти правила действуют независимо от сознания, Гельмгольц дал им имя «бессознательных умозаключений». Тем самым экспериментальная работа столкнула Гельмгольца с необходимостью ввести новые причинные факторы. До того он относил к этим факторам либо превращения физической энергии, либо зависимость ощущения от устройства органа. Теперь к этим двум причинным «сеткам», в которые наука улавливает жизненные

процессы, присоединялась третья. Источником психического (зрительного) образа выступал внешний объект, в возможно более отчетливом видении которого состояла решаемая глазом задача. Выходило, что причина психического эффекта скрыта не в устройстве организма, а вне его. В опытах Гельмгольца между глазом и объектом ставились призмы, искажавшие восприятие объекта. Однако посредством различных приспособительных движений мышц глаза организм стремился восстановить адекватный образ этого объекта. Выходило, что движения глазных мышц выполняют не чисто механическую, а познавательную (даже логическую) работу. В зоне научного анализа появились феномены, которые говорили об особой форме причинности: не физической и не физиолого-анатомической, а психической, что устанавливало разделение психики и сознания. Опыты говорили, что возникающий в сознании образ внешнего предмета порождается независимым от сознания телесным механизмом. В качестве выхода из возникших противоречий Г. Гельмгольц выдвигает теорию символов, согласно которой отношение ощущений и восприятий к внешним предметам имеет знаковую форму. Отрицая по-прежнему сходство между объектом и его психическим образом, Г. Гельмгольц писал, что наши ощущения есть только знаки внешних объектов, но не воспроизведение с тою или другою степенью сходства (Л.11).

Отмеченное явление можно распространить не только на физиологию. Поскольку любое частное явление существует и отличается друг от друга и, кроме того, составляет общее, то это общее не может исчерпываться в измерениях частного, т.к. тогда оно представляет собой только более общий вид частного. Становится очевидным, что всякое частное зависимо друг от друга и общего, т.к. в противном случае исчезает какая-либо относительность, обуславливающая возможность существования частного. Таким образом, частное составляет форму, в которой нет возможности определить начало и конец этого частного по причине общей связности, т.е. язык, еще не наделенный понятиями и смыслами, уже имеет свою внутреннюю логическую структуру чередования звуков, оказывающих влияние на будущее звучание слова, но не имеет границ своего расширения. Язык гармонизирует не только звучание слова, но изменяет прежние смыслы в соответствии со своим изменившимся состоянием. Каждая языковая структура формирует глубинный уровень сознания его обладателей, их ментальность, характер, а объем используемых символов определяет уровень понимания смысла. Поскольку каждое множество следует рассматривать как систему, в противном случае множество распадается, то следует рассмотреть свойства множеств.

Пусть все выходящее за область существования (мыслимого и бытия) чего-либо, является трансцендентным, а все иное, что входит в мыслимое, но временно не устанавливается опытным или логическим путем сверхсистемным. Первое для всего иного никак не определяемо и беспричинно, второе есть то, к чему оно относится, т.е. причинно. Этим устанавливается разделение мышления от знания. Сверхсистемное предстает как следствие изменения или движения чего-либо, находящееся в рассогласовании с имеющимися представлениями. Если трансцендентное

представляет явление-предмет с его свойствами, где свойства внутрисложены явлению, существуют вместе с явлением и служит фактором обнаруживающим явление, то сверхсистемное есть будущее отражение (описание) предмета в сознании (в мышлении). Тогда сверхсистемное стремится к бесконечности и несет в себе три условия ограничивающих познание. Первое не имеет меры измерения и потому не познаваемо, второе не имеет меры точности и тогда не определим верхний и нижний предел границ явления, третье в отсутствии наблюдаемой связи между явлениями, т.е. сверхсистемное предстает как непознаваемая часть мыслимого. Первый тип определяет размещение в ней бесконечности второго типа, когда конкретное размещается в общем, но не имеет окончательных границ, третье устанавливает необходимость расширения поскольку необходимость движения обоснована ранее, а сужение невозможно в силу необратимости следствия в причину.

Законченность явления-предмета приводит к законченности его выражения, т.е. к предельности, но в этом случае то в чем размещается явление (мыслимое), с одной стороны далее ничем не характеризуется, т.е. теряет смысл и становится не реализованной возможностью усложнения. С другой стороны предмет-явление предмет находится в области мыслимого, но отделен от мыслимого своим содержанием, т.е. содержание хоть и мыслимо, но не тождественно мыслимому. Следовательно, свойства и связи множества предметов тоже только мыслимы и эти свойства и связи не являются мыслью. Тогда весь мир явлений-предметов в своем внутреннем содержании не мыслим, а мысль отделена от предмета-явления. Тогда возникает апория мышления сущности (как предмета-явления) и мыслимого. Второе противоречие состоит в определении случайности, устанавливающей, необходимость и возможность, поскольку выявляется явный приоритет случайности. В-третьих, дальнейшее существование материи и мышления должно столь же случайно прекратиться, что вытекает из самой случайности. Этот взгляд отражает материалистическое понимание предмета-явления, т.е. когда появление материи есть результат «нечто» в виде случайности. Если явление-предмет не представляет собой нечто окончательное, то он несет в себе потенцию своего усложнения и тогда мыслимое составляет содержание предмета-явления, а он сам и представляет это содержание, т.е. предмет от начала и до конца есть мысль, что отражает идеалистическое представление явления-предмета. В таком представлении во-первых отсутствует необходимость материального представления предмета, а во-вторых наличие случайности не объясняется мыслимым, поскольку мыслимое противоречит случайности.

Но вероятно и третье представление, когда содержание материи, из которой образован предмет, определено мыслью и составляет мысль о материи, после чего предмет-явление обретает случайность, свободу и возможность мышления. Тогда разделение на трансцендентное и сверхсистемное становится необходимым и существует не только в мышлении, но и в самом существовании чего-либо. Поскольку трансцендентное мышление (сверхмыслимое) составляет и причину и предмет мыслимого, а мышление становящееся, только следствие этой

причины, то мышление становящееся, как и p -производная функции теряющая постоянные коэффициенты, должно быть лишено возможность изменять основную причину. Таким образом возникает подобие трансцендентного и гносеологического, составной частью которого является сверхсистемное. По отношению к субъекту такое состояние в мышлении имманентно ему, однако оно не присутствует в сознании изначально, т.к. является лишь возможностью, а не необходимостью или случайностью.

При наличии любого явления, существование его вне системы невозможно, в противном случае такое явление самодостаточно и не может быть обнаружено, кроме того, явление необходимо обладает множественностью, поскольку единичное явление есть явление другого рода по отношению ко всему. Любое реальное множество конечно, т.к. бесконечность является свойством и множеств не образует, но их в себя включает. Более того, бесконечность нельзя рассматривать как нечто беспорядочное, поэтому понятие бесконечности необходимо включает в себя ее структурирование, т.е. простой бесконечностью бесконечность не бывает. Все реально сущее имеет измерение, что предполагает существование минимума измерений и устанавливает счетное ограничение на их возможное количество.

Наличие минимума измерений определяет состояние «начала» и означает наличие предельно низшего элемента (явления) характеризующегося:

- сверхсистемностью предельно низших элементов, поскольку они не несут в себе никакого обоснования, а причина их существования по отношению к ним является внешней;

- целостностью и неделимостью низшего элементов, обеспечивающих единичность и образующих своего рода «бытие», обусловленное проявлением внутренней причинно-следственной связи. Такое бытие по необходимости имеет минимальное количество измерений, т.к. в противном случае такой элемент является частью другого и не может образовать единичность. Время для низшего элемента не имеет счетной характеристики;

- существование любого низшего элемента невозможно без элемента ему противоположного, т.к. в противном случае невозможно образование какой бы то ни было исходной системы и симметрии. Полная симметрия порождает статичность, неполная движение и пока существует движение, состояние неравновесности недостижимо в чем бы то ни было, т.е. движение предстает как условие существования чего-либо и как возможность познания путем анализа изменений. Сочетание устойчивой неравновесности, понимаемое как минимальное значение параметра при отсутствии движения и необходимость движения есть система, в которой одно и противоположное связаны «ничто», т.е. явлением другого рода;

- противоположный элемент не может быть абсолютно противоположным первому, т.е. нечто и ему противоположное не могут быть тождественными по своей абсолютной величине поскольку, во-первых, отрицание использует базу утверждения, что приводит к не тождественности абсолютной величины утверждаемого и отрицаемого. Во-вторых,

противоположное не может быть образовано и как отрицание утверждаемого, поскольку отрицание не имеет предельной точности отрицания. Небаланс исходных характеристик противоположных элементов накапливается и приводит к переходу N -мерного измерения в $N+1$ мерное, образуя новое устойчивое состояние из противоположных элементов только в динамике;

- любая система имеет критическое значение своего состояния, т.е. неизбежен переход на новый уровень, т.к. обратное означало бы наличие конечного состояния системы и независимость ее от чего бы то ни было, т.е. характеризовало бы такую систему как целостную и единичную;

- появление, по крайней мере, двух элементов, означает появление системы и установление взаимодействия между элементами, поскольку даже при гипотетическом отсутствии какого-либо взаимодействия элементы находятся в одном поле описания;

- низшие элементы, рассматриваемые вне системы должны быть тождественными, но в системе быть только подобными, различаясь, по крайней мере, возможностью изменения своего состояния, т.к. в противном случае такое множество не способно составить разнообразие. Возможность не есть случайность, но неравенство всех сиюминутных и совокупных внешних воздействий на элементы;

- возможность изменения своего состояния предельно низшего элемента является сверхсистемным фактором по отношению к системе, в которой он пребывает;

- линейность и неразрывность в изменении значений характеристик низших элементов невозможна, т.е. элементы дробны;

- низшие элементы принципиально не наблюдаемы.

- случайность не является порождающим фактором существования предельно низших элементов, т.к. в противном случае уничтожала бы причинно-следственную связь, принадлежащую более высокой иерархии. Единичного выражения случайность (явление, значение и т.д.) не имеет, т.е. распределение случайных событий и их выражение в виде математического ожидания являются производными не учтенных измерений;

- отсутствие случайности является основанием законов сохранения (информации, энергии, количества, качества и т.д.);

- любой элемент, число, событие необходимо образуют множество, которое может быть обнаружено при достаточном наборе элементов во множестве в силу необходимости суммации взаимодействий, поскольку противное означало бы отсутствие между ними связи;

- любое реализованное множество конечно в силу наличия начала;

- любой низший элемент любой системы кроме неделимости должен обладать консервативностью и способностью к взаимодействию, т.к. в противном случае они обладают самодостаточностью или образуют раздельное, мертвое и пустое «бытие». Способность к взаимодействию обуславливается наличием общности, которая составляет бытие одного рода.

Системное множество имеет характеристики:

- возможность элементов обретать новое качество является внутренним свойством системы, т.е. потенцией системы. В некотором смысле потенция системы есть информация о ее возможностях, в которой реализуется причинно-следственная связь;

- обретение дополнительной степени свободы (измерения) любой системой является сверхсистемным явлением, поскольку не имеет в себе обоснования в форме реализации;

- увеличение степеней свободы является условием объединения систем в системные множества и фактором, реализующим «случайность» для внешнего наблюдателя;

- поскольку любая группа из низших элементов является системой, а в силу перехода в сверхсистемность порождается дополнительное измерение, принадлежащее всему системному множеству, то таким измерением для материальных объектов может быть только область их существования;

- любая система стремится принять минимальное значение, т.к. в противном случае она теряет устойчивость;

- любая группа связанных множеств имеет сверхсистемное объединение;

- абсолютное множество всех множеств не может быть определено, т.е. неразрешимо. Актуальное множества всех множеств может рассматриваться только как динамическое выражение абсолютного множества, обретающего определенность и дающего измерение, т.е. существование.

В силу субъективного выбора логических конструкций, свойств мышления и т.д., любое описание определяемого множества является субъективным и в динамике своего развития может только приближаться к актуальному множеству;

- если актуальное множество A_n целостно, то мощность множества A_{n+1} не может быть более A_n , так как это означало бы, что A_n не закончено и следовательно не целостно, т.е. A_n замкнуто. В тоже время свойства множества сверхсистемны, т.е. будучи замкнутым в конкретном содержании может быть открытым для иного множества (пример: информационного).

Поскольку из условия минимизации следует, что две точки бифуркации не могут совпадать то различие, заключенное в них связано более высоким системным уровнем. Учитывая, что качественное измерение рано или поздно приводит к обобщению умопостигнутого в единое целое вне зависимости от исходных архетипов мышления, то следует признать, что в потенциальной области объект и умопостижимое совпадают

Подводя итог можно сказать:

- универсальное множество всех множеств не может быть представлено явно, вследствие его неопределяемости (потенциальности);

- энтропийность логики обусловлена наличием дополнительных измерений;

- логические связи и сама возможность существования любого множества (в т.ч. и субъективного) обусловлены свойствами универсального множества;

- любое определяемое множество конечно и вследствие его относительности, имеет логические разрывы, которые формируют парадоксы;

- основным источником парадоксов являются скрытое измерение, свобода, субъективное мышление (архетип, обладающий свойствами универсума в форме подобия, т.к. в противном случае они принадлежали бы к явлениям разного рода);
- если существует определяемое множество, то оно субъективно замкнуто и ограничено, т.е. если предполагается наличие «универсального» множества всех множеств A , то его мощность $M_A > M_n$ (где: M_n – мощность некоторого множества M_n или любого подмножества A), т.к. в противном случае A не может быть универсальным. Поскольку в любом случае M_n входит в M_A , а определение M_n зависит от субъекта, то M_n является субъективным множеством. Если A универсально, то множество A_n входит в A , т.е. множество A_n – замкнуто;
Актуальное множество M_n постоянно расширяется и поэтому в своем определении несет основу для образования парадоксов;
- если множество A является порождающим, то порожденное множество не несет в себе обоснования и является образованием другого рода по отношению к A .

4. Мышление и мировоззрение.

Исходя из сказанного философия как культурно-историческое явление выполняет три основных функции: 1. Мировоззренческую. Эта функция предполагает разработку системы взглядов на мир, дающее единое понимание происходящих в мире явлений, определяющий место человека в мире и взаимосвязь с миром; 2. Гносеологическую. Касающуюся научного познания, отношение знания к действительности, возможность познания мира человеком, критерий истинности и достоверности знания, выявления закономерностей его возникновения и развития; 3. Методологическую. Разрабатывающую мировоззрение, как целостную систему взглядов на мир, дающий понимание происходящих в нем явлений и теорию познания. Мировоззрение составляет совокупность выработанных образов мышления и как некоторая надстройка над мышлением, при не знании пути решения, определяет цель и устанавливает пространство мышления, а следовательно, действий и поступков.

Одним из принципиальных вопросов мировоззрения является отношение к бытию. Небытие есть всяческое отсутствие бытия. Исходя в небытие для мира материального, бывшее бытие оставляет значительные последствия для будущего (даже если пребывание в мире было мгновенным), что определяет весь дальнейший ход мирового бытия. Так как частное бытие не может быть случайным событием, но последствием вполне сознательных действий, то частное бытие является итогом всего прошлого родового бытия, настоящего и будущего мира. Имея в себе настоящее, прошлое и будущее - частное бытие не может быть утрачено, ибо в этом случае разрушается непрерывность общего бытия и если бытие существует как противопоставление небытию, то частное бытие находится в особом отношении к существованию вне бытия. Возникая из небытия и уходя в небытие для оставшегося бытия, частное бытие утрачивает свою частность и

приобретает общую целостность мирового бытия, так как, будучи вплетенным, в общую ткань прошедшего соединяется с прошлым бытием всего мира и с этой новой точки отсчета продолжает свое существование и развитие, ибо в противном случае историческая ткань бытия зияет прорехами и не имеет права на существование.

Тогда там где рационально-теоретическое мышление и ее наука доводит философскую идею до абсурда, философия показывает всю несостоятельность отправной посылки науки, а где философия уклоняется от своего высшего назначения и заходит в тупик, религиозное сознание возвращает заблудшую философию к отчему дому. Обладая, как всякая наука внутренним противоречием и не имея в себе нравственного основания, философия может найти решение только за ее пределами, разделяясь на философию о мире и человеке и философию религиозную, вплотную связанную с Богом и верой. Первая объединяет все частные знания в тех неявных формах, которых требует сверхсистемность общего знания и является истоком всех естественных наук, позволяя познавать Бога в Его делах и находить Его вне себя, вторая узнавать Бога по «дыханию жизни» в лице своем и, познавая себя идти к Нему.

Список литературы.

1. Математический энциклопедический словарь. Главный редактор Ю.В. Прохоров. Москва, изд. «Советская энциклопедия», 1988.
2. Словарь философских терминов. Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. Москва, изд. Инфа-М, 2004.
3. Сергей Трубецкой. Учение о логосе в его истории, изд. Фолио, Москва, 2000.
4. Философия. Часть вторая. Основные проблемы философии. В.И. Кириллов. Москва, изд. Юристъ, 2003.
5. Теоретические основы автоматического регулирования тепловых процессов. С.Г. Герасимов. Москва, изд. «Высшая школа», 1967.
6. Философский энциклопедический словарь. С.С. Аверинцев. Москва, изд. «Советская энциклопедия», 1989.
7. ДАО ДЭ ЦЗИН, изд. ЭКСМО, 2002 .
8. Диалектические основы математики. А.Ф. Лосев. (Интернет)
9. Процессы анализа и синтеза. М.К. Мамардашвили. (Интернет)
10. Имяславие и теория множеств. А.Ф. Лосев. (Интернет)
11. История психологии. Лучинин А.С. (CD- диск)